

18+

Наталья Тимофеева

Монологи

Стихи

Наталья Тимофеева

Монологи. Стихи

«Издательские решения»

Тимофеева Н.

Монологи. Стихи / Н. Тимофеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515149-0

Кому-то кажется, что я слишком усложняю жизнь, что я недостаточно контактна с читателями, а я, напротив, страдаю от своей излишней открытости... Это большая удача, когда ты находишься на одной волне с читающим, но как же редко подобное случается в век рекламы и клипового мышления! Я не стремлюсь к популярности, так как ищу именно понимания, а не шума вокруг собственного имени. Так же, я не участвую в поэтических конкурсах, поскольку все они междусобойны, конъюнктурны и политизированы. Автор.

ISBN 978-5-00-515149-0

© Тимофеева Н.
© Издательские решения

Содержание

Монологи	6
Осенний монолог	6
Осенний монолог 2	7
Осенний монолог 3	8
Осенний монолог 4	10
Закатное	11
Ночь нежна	12
Яблоня	13
Евхаристия	14
К оставленным	15
Схима	16
Осенний ночной этюд	17
Паучье время	18
Печальное стихотворение	19
И была ночь	20
И стало утро	21
Ночной город	22
В стране зверей	23
На горах	24
Волхов	25
Голос неба	26
Предчувствие	27
Забывла	28
Осенние дары	29
Письма осени	30
В океане мировом	31
Под дождь слова...	32
Очерѣдность	33
Младенец бытия	34
Дыхание ночи	35
На фоне заката	36
Вахтовики	37
Осенний аромат	38
Полоз	39
Не схимница зима, не постница	40
Прикинувшись родиной	41
Тает снег	42
Без сожаления	43
Экспромт	44
Звезда	45
Экспромт к статье о забытом поэте	46
На серпантине ночью	47
Вошь-дь	48
Остановись, мгновенье	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Монологи
Стихи
Наталья Тимофеева

© Наталья Тимофеева, 2020

ISBN 978-5-0051-5149-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Монологи

Осенний монолог

Тени всё длиннее, дни короче.
Осень распростёрла свой шатёр.
Смотрят звёзд задумчивые очи,
Ветер с гор летит во весь опор,
Треплет дуба листья жестяные.
Звуки гулки в ветреной ночи.
Сполохи сияют огневые,
И луна холодные лучи
Запускает в стылое пространство.
Беспокоен мгlistый окоём
Кратером очерченного царства,
Где с тобою бродим мы вдвоём.
Смотрим на прошедшее, как в омут,
Где черна и пагубна вода,
Где желанья, словно галька, тонут,
И уходит счастье навсегда.
Там заветы были, да запреты,
Невозможность – лучшее из зол...
Как же мы, стремясь забыть всё это,
Полюбили наш заветный дол!
Не вступая больше с жизнью в споры,
Мы всему творению равны
И благословляем эти горы,
Что, красой веков осенены.
Завтра вновь заблещут над селеньем
Склоны золочёные, и вновь
Мир осенней обуяет ленью
Винограда собранного кровь...

Осенний монолог 2

Осенняя печаль – нечаянная грусть,
Сиятельны её щемящие утраты.
И я сама себе потерянной кажусь,
Считая не доход, а лет своих караты.

Как много их ушло за подлый медный грош,
Как мало их теперь осталось на ладони...
И, как былую жизнь в сомненьях не итожь,
Подкралась старость, словно вор в законе.

Казалось, что вода течёт быстрее годов,
И так легки, подчас, иных событий пути,
Но множились труды, и был их груз пудов,
И бранных слов вражда была страшней цыкуты.

Мне небо не вернёт любимых и друзей,
Ушедших навсегда за окоём заката,
Откуда не придёт ни писем, ни вестей.
Власть памяти в душе и бережна, и свята.

Я к ним не тороплюсь, но помню с юных лет,
Что встретиться опять нам всё-таки придётся,
Ведь смерть лишь переход на вековечный свет,
В другую жизнь она – волшебное оконце.

Мгновения конца и, чем нас встретят там,
Не знаем, но живём, как будто сами вечны.
Что будет милосерд Спаситель ко грехам,
Надеемся и мчим, как бабочки, беспечны.

Реальность только здесь, минута – словно год,
В ней всё сошлось сполна: грядущее, бывшее...
А осень тут как тут с дарами у ворот.
Мне грезится, что я её богаче втрое.

Осенний монолог 3

Приял Иосиф золото и смирну,
И ладан над младенцем воскурил...
Мария-Дево почивала мирно,
Лишившись в родах драгоценных сил.

Горел очаг, накормленный соломой,
Лежал младенец, как ягнёнок, тих,
Звезда сияла ровно, и знакомо
Пустынный ветер пел свой древний стих.

Волхвы смотрели на картину эту,
И мысли их казались громче слов.
Любовью и объято, и согрето
Пространство было, и нехитрый кров,

Что дал приют семейству непростому.
Мгновения считал наставший век...
И было всем тепло вдали от дома,
Где несмышлёныш, Богочеловек

Ещё не ведал о своём грядущем,
И, приникая к маминой груди,
Пил молоко. А зло ярилось пуще
От непорочных девичьих родин,

И, в дьявольском терзаясь нетерпенье,
Что накрывало, как девятый вал,
Объятый страхом, Ирод в диком рвенье
Побить младенцев слугам приказал.

И воины, послушные приказу,
Втыкали пики в детские тела...
Кровавому прощенья экстазу
Сама природа так и не дала.

Прошли века, убийство не приелось
Держателям державы и венца.
Им чужды милосердие и щедрость,
Присущие сердечности Агнца.

И пусть они шепотью троеперстья
Хоть днями напролёт венчают лбы,
Они – потомки Ирода, бесчестье
Перед Христом – знамение судьбы.

Ни дальние пределы, ни Египет
Не сбережёт их присных от суда.
Отравлен ими хлеб и воздух выпит,
И кровью стали земли, и вода.

Грядущее стоит у переправы,
Но людям больше некуда бежать.
Весь мир сошёл с ума, хлебнув отравы,
И сатану готов к себе принять.

Напрасны жертвы? И кому примером
Стал тяжкий крестный путь Царя Царей?
Лишь для того, кто, не утратив веры,
За хлеб врага не дал надеть цепей

И не отрётся от креста святого.
Кто душу от сомнений уберёт.
В начале мира было только Слово,
И было это Слово словом – «Бог»!

Осенний монолог 4

Мой жребий не похож на праздник,
Он, как иной речной поток,
Что так, порой, покоем дразнит,
Да разбивает о порог.

И я мечтала, и любила,
Детей, как чудо, берегла.
Прожить хотела до могилы
Под сенью вешнего тепла,

Но так наивно и незряче
Душою льнула к пустякам,
Что прожила совсем иначе.
Был мёд мой с дёгтем пополам.

И лишь под старость я узнала,
Как глупо верить зеркалам.
Я начала опять с начала
И обмануть себя не дам.

Никто судьёй моим не будет
На этой выжженной земле,
И голова моя на блюде
Не опочиеет на столе

Перед надуманным героем.
Давно окончен карнавал
С зелёной меди трубным воем
Среди растресканных зеркал.

А вы, завистники и тати,
Что жадно пялите глаза,
Желая жизнь мою, так нате,
Я не приму её назад!

Закатное

Багряница заката упала на горные склоны,
Продолжением света становится тайная тьма.
В наступившей тиши раздаются кузнечиков звоны,
И ползёт от реки тонкорунный закатный туман.

Запрокинулся месяц над кронами сонных орехов,
И серебряной патокой залил задумчивый дол...
Отвечает растерянно птице нечаянной эхо,
И стирается время в полночный мельчайший помол.

Воссияли созвездия, как откровение Бога,
Крошкой кварцевой устлана вечная Млечная гладь...
И струится на землю покой из глухого чертога,
Где за гранью теней обитает сама благодать.

Ночь нежна

Ночь нежна. По-осеннему пусто,
Тубероз аромат невесом.
Звёзды бездну осыпали густо,
Лунный морок глядит божеством

На долину. Не движется ветер,
Тихо-тихо вздыхая вдали.
Мир прекрасен и ветхозаветен,
Дух мятежен и неуголим.

Я на лике Творенья – соринка,
А душа моя – Божья слеза.
Проиграла я все поединки,
О себе не сумев рассказать

Никому, из неведомой сини
В сентябре появившись на свет
В самом сердце далёкой России,
Меж проклятий её и сует.

Всё минует, – и грозы, и брани.
Новизны нет ни в чём и нигде...
Сквозь неведомый пласт расстояний
Я к своей приникаю звезде.

Яблоня

Ветви гнутся, послушны ветру,
И, роняя запретный плод,
Исполином во мгле рассветной
Чудо-дерево предстаёт.

Сок бежит у него по жилам,
Наполняя собой листья,
Но туманных тенет кадилам
Не объять его высоты.

И огнём затеплив горы,
Отразив первозданный свет,
Солнце сыплет на землю споры
Лучезарных своих тенет.

Полыхают плоды боками,
Алым палом горит заря,
Глухо падает, будто камень,
Наземь яблоко сентября.

Брызжет жёлтая мякоть в гущу
Опоясавших ствол осок,
Смотрит вниз благосклонно Сущий,
Осы пьют животворный сок.

Евхаристия

Горит и плавится свеча,
Сползает воск на гладь латуни,
И вьётся ладанно печаль
В стенах величественных втуне.

Глаза Христа полны любви,
Но и не чужды укорины,
Меня находят вновь они
Под возносимые кафизмы.

Нет ничего прекрасней слов,
Что клир поёт пред солеёю,
И смысл прочитанных псалмов
Я в сердце бережно сокрою,

Чтоб перед Чашей не сробеть.
Приму Дары со страхом Божьим
И отрешу, унижу смерть,
Что стала для меня ничтожна!

К оставленным

Запомните меня не бедной и больной,
Не безутешно плачущей от горя.
Я не горжусь утраченной страной
И больше с патриотами не спорю.
Им лестно жить в неволе у ворья,
Мечтая о награде за терпенье,
Но не могу дышать в болоте я,
Поскольку – человек, а не растение.
Запомните меня свободной от цепей,
Красивой, гордой, с массою достоинств,
Стоящей против лжи на родине моей,
А значит, против сатанинских воинств!
Запомните меня поэтом, не рабом,
Свободно говорящей о владыке,
Хоть выросла я тоже под гербом,
Под рабство одобряющие крики...
Но каждый выбрал путь по совести, и без
Особых угрызений – сущность многих.
И радуется их терпенью главный бес
В своём, пропахшем трупами, чертоге.

Схима

Другая суть, другое имя,
От боли – прочная стена.
И смерть моя неумолима,
И жизнь исполнена до дна.

Моё последнее ночевье,
Как призрак вечности, темно.
И смотрят сумрачно деревья
В слепое узкое окно.

Не вскрикнет сонное пространство
Тревожным голосом совы,
Своё лелея окаянство
Над остью умершей травы.

Лишь пульс молитвенно и пусто,
Как заведённый метроном,
Меня безгласно и безустно
Качает в вихре кровавом.

Скорлупка тела безотчётно
Ещё инерции полна,
Но мысль невнятна и дремотна,
И, словно небыль, неверна...

Осенний ночной этюд

Тонюсенько и зло комар гундосит,
Дудит в свою незримую трубу,
А по двору уже гуляет осень,
Таская полный короб на горбу.

Орехи в нём катаются и бьются,
Присыпаны листвою жестяной,
И ночь лежит на выщербленном блюде
Луны над обессиленной землёй.

Пронзает воздух писк летучей мыши,
И звука тетива острей струны,
И кот поёт в тоске на чёрной крыше,
Сам чёрен в сизой тени от луны.

Паучье время

Паучье время, осень и прохлада.
На грудь земли ложатся облака.
Скользит печаль по аппарели сада,
Как в Лету стихотворная строка.

Шуршит в траве не спящий пёстрый полоз,
Ползёт туман с задумчивой реки,
И солнца луч, истонченный, как волос,
Из Божией торопится руки.

Какая нежность в кружеве тенистом
На белой штукатуренной стене
И в ненадёжном, октябрёво-мглистом
И тонком детском голосе во мне!

Печальное стихотворение

Печаль уже раскинула над лесом
Свой огненно-охряный омофор.
Бездумный ветер резво скачет бесом,
Сорвавшись с осиянных солнцем гор.

Плетёт октябрь свои паучьи сети,
Кропит росой венцы последних роз,
И винограда трепетные плети
Увядший лист бросают в омут гроз.

Шепчась о чём-то меж собой, деревья
Готовятся к предзимью на постой,
А над рекою ивы косы девьи
Пушат под ветром в заводи лесной.

И была ночь

Звёздная меленка мелет муку,
Месяц ущербный лежит на боку.
Сонная осень блуждает в ночи,
Дрёма сидит у меня на печи.
Время песчинки считает в часах,
Смотрит в окошко неведомый страх.
Мыши скребутся и точат орех
На потолке надо мной без помех.
Как же уютно под козьей кошмой!
Котик мурлычет... Наполнен покой
Ласковым сумраком, запахом трав,
И паучок, на подушку упав,
Прясть начинает бездельные сны.
Мысли бегут от меня, неясны.
За чередой осенних ночей
Холод крадётся к избушке моей...

И стало утро

Утро купает в тумане дома,
Возят цыгане в тележках дрова.
Звуками горло полощет петух,
Горлицы криками мучают слух.
Ветер чуть слышно листвой шелестит,
Капля росы, как огниво, горит.
Гуси проснулись, идут, гогоча,
Леса на горке сияет парча.
Быстрые горные стыннут ключи,
Вечность незримую пряжу сучит...
Боже, будь милостив к миру сему,
Я от Тебя всё, что будет, приму!

Ночной город

Жемчужница небес открыла створы,
Рассыпался алмазный чистый свет
Под куполом, чуть видны стали горы,
И месяц, тонкой скобкою воздет,
На острия нанизывая полночь,
Торжественно над городом поплыл,
И воздуха разреженную горечь
Фонарный вавилон позолотил.
А тени крались в улицах бесшумных,
Как прошлого забытые слова,
И ветер, обыватель мест подлунных,
Во тьме с лебяжьей нежностью сновал...

В стране зверей

В стране зверей виновно не зверьё,
А кто попался под руку и лапу.
Гуляет разномастное ворьё,
Таскает человечину с нахрапом.

Чего глядите, мало вам борща?
А зверь и вовсе здесь не травоядный.
Не дай ему, терпила, отощать,
Пусть для тебя такая жизнь накладна.

А ну-ка, сядь, петицию зверью
Строчи с поклоном, пусть не жрёт от пуза.
Глядь, пожалеет он твою родню
И перейдёт на хлеб и кукурузу?

На горах

Где в складках гор запуталось пространство,
Хмельное от осеннего тепла,
Ткёт кружевное с золотом убранство
Лесная тишь. Небесного стекла
Эмалевая выцвела поверхность,
Ослепнув в неоглядной вышине,
Где ладанная облачная терпкость
Молочной мглой разлита в полынье,
А по краям то розовеет утро,
То жаром пышет огненный закат...
И горы вековечно и премудро
На мир людей внимательно глядят.
И кажется, из этой первобытной
И золотой осенней пустоты
Возникнет мощь мелодии забытой,
И вновь проступят Божие черты.

Волхов

И Малюта молился Богу,
Столбенея у Царских врат.
Жизнь идёт к одному итогу,
Царь, монах ты или солдат.

Волхов помнит свой бег кровавый
От царёвых лихих щедрот,
При опричнине есть забава —
Выжимать из народа пот.

Ловчей птицей летает слава
Впереди вороных коней.
Ну-тко, кто тут имеет право?
Наше право стократ правей.

И собачьих голов оскалы,
По-над Русью разжав клыки,
Гонят русских через подвалы,
Где Малюта брал за грудки.

Злоба тенью дворцовой висла, —
У опричников власть крепка.
Неужели народу кисло?
Да пошумливают слегка...

От Москвы одни головёшки,
Словно кара небес за кровь...
А кромешники в тьме кромешной
На Руси воскресают вновь.

Свято место не будет пусто,
Время жизни не пустишь вспять.
Колея – это то же русло.
Волхов тоже умеет ждать...

Голос неба

Как звука чистого пленяет тонкий слух
Волшебная, не узнанная нота!
А утра ветреного ясный воздух сух,
И вновь ветвей осенняя ломота
Рисуется в саду безлиственным штрихом,
Пронзает желтизну копьём зелёным юкка,
И солнечная зернь, раскручена волчком,
Рождает в вышине великолепье звука.
*

Голос звонкий, голос неба серебристо-золотой...
Запах мёда, запах хлеба в светлой горнице пустой.
Закопанный луч струится, как неведомый родник,
Под застрехой плачет птица, на стене – знакомый лик.
Я – за пазухой у века, много ль мне ещё щедрот!
Трудно встретить человека, где прощенье не живёт.
Из колодца мирозданья я смотрю, ослепши, вдаль.
Словно первое свиданье, мне, Господь, прощенье дай!
Радость сердца песней длится, расчирикалась душа...
Дождь кропит святой водицей, осень шествует, спеша.

Предчувствие

Равнодушно сияют звёзды,
Не мигая, глядит судьба.
Мне за славой пускаться поздно,
Я для славы своей груба.

Не звенит у меня в карманах
Горсть презренного серебра,
Состою не в почтенных дамах,
Хоть давно на тот свет пора.

Даже горло моё охрипло
От правдивых до боли нот.
В эту жизнь я, как муха, влипла,
А она у меня – не мёд.

Паутина годов паучья
Окружила мой утлый кров.
Что ж за время такое сучье,
Что сосёт голубую кровь?

Где же счастья на всех набраться,
Растопить бессердечья лёд!
Мне давно перемены снятся,
Словно вечности горький пот

Проступает сквозь сон на веках,
Повторенье – ученья мать...
И в забытых кровавых реках
Снова будет страну качать.

Забыла

Я забыла туда дорогу
И по небу, и по воде.
Нас, убогих, у Бога много,
Как волос в Его бороде.
Мне по суху добраться пешей —
Жизнь ещё одну перенять
И горчее, и злей, и грешней, —
Рая точно не увидеть.
Разберу, так и быть, котомку,
Всё раздам – барахло и снедь.
Ни к чему свою память комкать,
Да упрёки её терпеть.
Кто вспомянет меня, спасибо,
Помолюсь за вас поутру.
За врагов-то особо, ибо
Я счастливее их живу.

Осенние дары

Да, осень щедра на подарки,
Надев свой венец золотой.
Нить ветра октябрьские парки
Прядут день и ночь над землёй.

Питьё их похоже на брагу:
Меды, зверобой, да полынь...
Листвы охряную бумагу
Уносит в небесную синь.

Ключи замедляют течение,
Прозрачнее день ото дня,
И робкой предзимнею ленью
Опять обуяло меня.

Зачем мне сознание тревожить
И мысли свои ворошить,
Печали осенние множить
И птицей над прошлым кружить?

Живу в небогатом укладе,
Осенних боюсь сквозняков,
Пою кондаки, Христа ради,
И песни слагаю без слов.

Моя ненаглядная осень
Костры разжигает в глуши,
Минуя задумчивость осен
И вечнозелёный самшит.

Письма осени

Давным-давно мне осень пишет письма,
Её печати – охряной сургуч.
Она их то на листьях палых тиснет,
То на закате – меж сурьмяных туч.

Она мне пишет, как своей знакомой —
Седой и мудрой даме, но опять
Отписываюсь ей строкой бредовой,
И почерк мой ей сложно не признать.

Она, тая улыбку сердолика,
Блестя обессиленной красой,
Мне междометья с журавлиным криком
Пересылает в призрачный покой

Затвора моего, что так непрочен
Под струями холодного дождя...
А жизнь всё ненадёжней и короче,
Всё незаметней, в вечность уходя.

В океане мировом

Жалит ветер тонким жалом,
Гаснет сумеречный свет.
На просёлке нехожалом
Нет ни вешек, ни примет.

Нитяной туман змеится
По безлюдю полей,
И кричит ночная птица
Алконосовых кровей.

Бродит лис, ища добычу,
Жадно ловит шорох слух,
И безлунен, и безличен
Чуткой тьмы волшебный круг.

Изумлённое волненье
В сердце зиждется моём:
Звёзд неяркое свеченье,
Жизни краткое мгновенье,
Всеблагое всепрощенье —
В океане мировом.

Под дождь слова...

Дождь. Сокровенны звуки ноября.
Листва ещё не вся отпала с веток.
И шепчут струи, даль собой кроя,
О том, что будут в ней ещё просветы,

Что будет и тепло, и золотой,
Разлившийся по склонам, отзвук лета,
И поздний росный нежный травостой,
И неба синь, в сияние одета.

Но дождь струит с небес свою печаль,
Он мерно плачет в тишине без всхлипа,
Как будто продырявился Грааль,
Иль облакам неможется от гриппа.

Камин дымит немного, стынет чай
В фарфоровой скорлупке... Всем известно,
Что всё бывает как бы невзначай,
А потому и жить так интересно.

Но цепь событий – Боговы дела,
И даже этот дождь – Его охота.
Я без Него б и думать не смогла,
Не то что встретить близкого кого-то.

Пути исповедимы не для нас —
Искателей чудес и откровений.
Но, слушая сердцами Божий глас,
Мы, люди – повелители мгновений,

Лишь можем благодарны быть Ему
За все свои закаты и рассветы,
За то, что есть вино и хлеб в дому,
Как кровь и тело Нового Завета.

Смотрю в огонь, внимая тишине,
А за окном туманятся просторы.
Их вид осенний мирволит во мне,
Рождая мыслей сонные узоры...

Давно раздряя нет в моей душе,
Я не коплю воспоминаний втуне.
Витает в доме аромат саше,
И сумрак ластит кисточкою куньей.

Очерёдность

Эта очередь – самая длинная очередь времени,
В ней стоят все по-разному, просто иным невдомёк,
Что оно, в основном, невинных молотит по темени.
Нескончаем их горестный и непрерывный поток.

И под реквием слёз, как под эхо иного сказания
Тени тихо скользят вдоль заброшенных людом дорог.
Им не вычерпать горе горстями, увы, из сознания,
Несовместны убийство, стукачество, подлость – и Бог.

Как живётся вам, черти, в «раю», что устроен по-старому?
Только вышки пока на ремонте, но это – пока.
«Рай» ваш страшен кровавый, он полон такими кошмарами,
Что покажется даром небес гробовая доска!

Не скучайте, вам можно сегодня немного расслабиться,
Написать пару виршиков радостных, родине в масть...
Ну же, родина-джокер, пора бы пошире ослабиться
И от уха до уха раскрыть свою злобную пасть.

Видишь очередь, родина? Жар твой ей боком неистовый,
Но стоят и не морщатся, хоть собрались на убой...
Было дело, недавно здесь кто-то негромко попискивал,
Да ретивых отправила родина в ад на покой.

Младенец бытия

Голосит петух лужёной глоткой,
Что ему рождение иль смерть.
И каменно-гостевой походкой
Время вновь раскачивает твердь.

Не поймать рукой рукопожатье,
Не объять годов его – двумя...
Вот оно светает. Из кровати
Я смотрю – младенец бытия.

Коротко ли грешное заклатье
От всевластья радужного дня?
Только люди ни черта не братья,
Нет любимых братьев у меня!

Пыжится и тужится столетье,
Как в чужом курятнике петух...
Лишь боюсь в неволе умереть я,
Потеряв и зрение, и слух.

Дыхание ночи

Ночь приблизила дыханье
С ароматом хризантем,
Тьмы холодное касанье,
Тлена лиственного плен.

Как мне выбраться на волю,
Лунный морок превозмочь?
Ветер бесится на поле,
Серебро вплетая в ночь.

Пережат речной неспящий
Брызжет звёздами на луг,
Моет пенно и звеняще
Утонувший лунный круг.

Тени резки и тревожны,
И, спустившись с горных круч,
Осень с робостью осторожной
Ловит в сети лунный луч.

И полночное крещендо
Светоносных паутин,
Словно древняя легенда,
Из её сквозит глубин.

На фоне заката

На фоне заката запел зимородок:
Хрустальное горлышко, звонкая трель...
А вечер прохладен, прозрачен и кроток,
До снежности зимней – лишь пара недель.

Под пологом леса утихло брожение,
Потоки воздушные чутко-нежны,
И западный ветер в неслышном скольженье
Касается елей под ликом луны.

На позднюю осень надежда плохая,
Нетвёрдою поступью время вразброд
Под сенью небесной по листьям ступает,
Но, кажется, что никуда не идёт.

И знобкою дрожью рассыпались росы
По иглам и травам, по палой листве...
Нет с осени поздней ни взятка, ни спроса,
Она так давно поселилась во мне!

Вахтовики

Вахтовики, старатели на зоне,
Кремлёвских «башен» жадная орда,
Над всеми ними банщик – вор в законе,
В кровавой бане – банная страда.

Вовсю идёт предсмертная помывка,
У старых шаек отвалилось дно...
Вновь главаря латунная отливка
Грядёт плечисто, с прежней заодно.

Над площадью витает дух рутинный,
Палач, осклабясь, пробует топор.
И ждёт народ с покорностью скотины,
И слушает сонливо пошлый вздор.

Вахтовики давно деньгу упёрли,
Лишь добирают крохи под шумок...
На родине допрежь активно мёрли,
Теперь и вовсе повелел сам «бог».

Не улюлюкай, вечность, это данность.
Назад – в болото – крепная гульба.
Коль выбрали на царствие бездарность,
То расчленёнка царствия – судьба.

Под этим небом вряд ли что-то станет
Из ряда вон, но, может, повезёт,
И вылезет из ада новый Сталин
Под старый гимн, и головы снесёт.

Осенний аромат

Осенний аромат – настой полынный.
Кружит, ветрами сорвана, листва,
И привкус декабря, айвово-хинный,
Рождает в мыслях горькие слова.

Сильнее всепланетных гравитаций
Меня к себе притягивает власть
Земных стихий, и с ними мне расстаться, —
Как в пустоте безвременья пропасть.

Во мне огонь неистовый не гаснет,
Душа моя прозрачна, как вода.
Земля дала мне мудрости и страсти,
А ветер – мой содружник навсегда.

Но сиротею осенью безмерно,
Скупые знаки нежности ловлю
И ничего не ведаю, наверно,
О тех, кого жалею и люблю.

А осень, поглощённая раздумьем,
Уставшая от праведных забот,
В пальтишке рыжем вместе с новолунием
По речке тихо в лодочке плывёт.

Полоз

Над долиной ветра увлекают в полёт облака,
Разделяют и властвуют, треплют седые вихры.
Меж покатых холмов синеву разливают река,
И разводит туман над водой кружевные пары.

Собирается осень бразды свои выдать зиме,
Уходя, прихватить медяки от ноябрьских щедрот
И уснуть мёртвым сном на дырявой лянцовой кошме,
Положив золотой полосатому полозу в рот.

Под корнями свернувшись, он будет дремать до весны,
Ни еды, ни питья не спрося у змеиной судьбы,
И навеют снега ему долгие зимние сны,
И неясные грёзы обманчивой выужной волшбы.

Так остывшая плоть его мне по рождению близка,
Что хотела бы стать равнодушной и холодной, как он...
Но зовёт меня ветер и, ставшая сутью, строка,
И пылающий страстью огонь, прогоняющий сон.

Не схимница зима, не постница

Не схимница зима, не постница,
Ко мне на двор она не просится,

Цветущих роз не губит холодом,
Глядит в окно свежо и молодо.

Над перевалом ноготь месяца
Игрушкой ёлочною свесится,

Снега на пик Балкан улягутся,
Тогда зима пребудет в радости,

Сойдёт с вершины в звёздном платье,
А время вновь к весне покатится.

Прикинувшись родиной

Умело прикинувшись родиной,
Куёт патриотов режим.
На карме отмечен Володиной
День скорби, нависший над ним.

Гадают на картах гадатели,
На гуще кофейной, бобах,
Не вымрут ли вскоре «предатели»,
Навязнет ли правда в зубах.

Гадатели очень доверчивы, —
Им карты не врут и бобы...
Крупы килограмм дорог гречневой,
Но это проказы судьбы.

Ещё предсказатели Грозного
Гадали, на дыбе висия,
Как выйдет из сна коматозного
Россия, счастливая вся.

И будет правитель внимательный
Рабам раздавать ништяки,
И будут собаки гадателей
От голода рвать на куски.

Тает снег

Тает снег, течёт расплавом с крыши,
В бочке звоном радостным журчит.
Ветерок-астматик глухо дышит,
И земля туманами парит.

Солнце маслянисто и высоко,
Аромат древесный остро-свеж.
Срезы лоз сочатся чистым соком
На стальные наволоки мреж.

И подснежник выглянул несмело
Из-под жухлой ржавчины травы, —
Словно кем-то выточен из мела, —
Напитавшись соков грунтовых.

Птиц ещё не слышно, только горло
Прочищает хрипкое петух,
Будто бы в зобу дыханье спёрло
От его куриных молодух.

Оживает местное кочевье
Обнищавших за зиму цыган...
И повеселевшие деревья
Тычут ветви в синий океан,

Что разлился над февральской ранью
Нежно и улыбочиво-светло...
И бредёт межгорной глухоманью
Старое болгарское село.

Без сожаления

Душа не спит, летит в ночной тиши,
Потеряна в пучине мироздания.
Она на встречу с Господом спешит,
Исполнена благого покаянья.

Ей шепчут духи в мороке теней
Какие-то слова, тая соблазны,
Но смертный страх не властвует над ней,
Хоть тени эти злы и безобразны.

Она такие видит чудеса,
Какие смертным могут только сниться, —
Кругом неё то горы, то леса,
То океан, что бархатом лоснится,

Но всё, как первозданное, – и ах,
Такой красы в земных покоях нету.
Течёт пространство, как песок в часах,
И, обуяв забвением планету,

Влечёт воздушный пузырёк души
Всё дальше, дальше от земного тела,
И вот уже она нагнать спешит
То, что когда-то знать не захотела

Про свой последний призрачный приют
И, как дитя, старается невнятно
Спеть ту же песнь, что ангелы поют...
Придёт заря, вернёт её обратно,

А не вернёт, так что ж, ей не впервой
Знакомый путь к пределам первородным
Преодолеть, как страннице слепой,
В незримом воплощении бесплотном.

Экспромт

Все мы смертны, но не все поэты. Как сказать последние слова, чтобы нас не прокляли за это, чтоб легка была о нас молва!? Я умру, ведь я не исключенье. Затворит за мной странство дверь. Заслужу ль у Господа прощенье, или кану, как безгласый зверь? Нет, не страх томит перед могилой, только недосказанность души. Как проститься мне с землёю милой, где мой след зима запорошит...

Звезда

В полночном мареве туманном
Горит всего одна звезда,
И месяц светом недреманным
Растёкся в заводи пруда.

Неясен свет его дрожащий,
Не образующий теней,
Как будто он не настоящий,
Меж чёрных тонуций камней.

Набычив лбы, они сурово
Толпятся, кроя берега,
Им ночь боится молвить слово,
Так власть их тяжкая строга.

И лишь звезда, легка и праздна,
Востра, как высверки клинка,
На этот мир однообразный
Глядит, прорезав облака.

Ей незнакомы страхи ночи,
Она свободна, как любовь,
И так ярка, что нету мочи,
И так чиста, что нету слов.

Экспромт к статье о забытом поэте

России не нужны поэты, едва ль, как некий раритет, когда их песня недопета. На Родине пророков нет. Идут на дыбу те, кто молча не может видеть грязь и ложь, Ведь на Руси любая сволочь воткнёт поэту в сердце нож за то лишь, что уста глаголят о страшной доле вековой... Судьбу поэты не неволят, они согласны и с судьбой, но дали б только им согреться любовью чистой хоть чуть-чуть и на свободу наглядеться, и завершить свой бранный путь не в клетке, где, объаты бездной, они принижены толпой, где правят голод и болезни, где голос власти – злобный вой, а в чистой келье из пространства, где только истина сквозит и нет ни лжи, ни окаянства, но свет божественный разлит.

На серпантине ночью

Месяц упал к обочине
Прямо на грязный снег
Маленький, скособоченный,
Словно вершил побег.

Рог его красным вымазан,
Бледен, как смерть, другой.
С неба на горы выброшен,
Выгнулся он дугой.

Жалко его, бродяжного,
Да не помочь ничем, —
Звёзд кутерьма сутяжная
Вниз низвела совсем.

Глядь, за дорожной петлею,
Горною крутизной,
Вновь его скобка светлая
Высится надо мной.

Кажется, мнится, блазнится
В сонной седой тиши,
Месяц—гуляка дразнится,
Ночь обогнать спешит.

Так и ныряет исстари,
Словно челнок, в ночи,
Но не находит пристани,
Свет меж хребтов сочит.

В тёмных ущельях прячутся
Страхи земных забот,
Месяц блажит-дурачится
В дебрях небесных сот.

Вошь-дь

Вождь племени был до смешного мал,
Любил не перспективу, но фрагменты.
Державный зад Востоку подставлял,
От Запада восторгов ждал и ренты.

От племени его остался пшик, —
Он не терпел инакомыслий в стаде
И вообще был правильный мужик,
С утра до ночи находясь в засаде.

Его маразм блистал, как бриллиант,
Весь мир боялся маленького поца...
И кто-то рад бы дать ему под зад,
Да где смельчак невиданный найдётся?

Пересажал, перестрелял он всех,
Кто разевал хоть раз своё «хлебало».
А остальным терпилам люб успех
Вождя, что их питает царским калом.

Остановись, мгновенье

Золотое утро декабря,
Блики на берёзовой листве...
Как монетки жёлтые, парят
В ненадёжном ласковом тепле,
Шелестят сыпуче у стволов
Листья, влажно-бережно-нежны,
В ореоле золота шелков
Ветер, чьим дыханьем зажжены
Свечи белоснежные сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.